

goś nowego i przeczytać z przyjemnością. Szkoda zatem, że DiNardo nie skupił się bardziej na tym wątku i nie umieścił go w tytule.

Jarosław Centek

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2012.012>

Państwa bałtyckie i Kreml 1940–1953. Z historii stalinizmu

Е. Зубкова, *Прибалтика и Кремль. 1940–1953*, М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина 2008, 351 с. (История сталинизма)

Новая книга Елены Зубковой выпущена в 2008 г. издательством РОССПЭН, известным публикацией архивных документов и серии исследований по истории СССР. На фоне практически полного отсутствия в российской историографии работ по истории прибалтийских республик вообще и их истории в советский период в частности, выход в свет данной работы представляется как нельзя более своевременным.

Объектом исследования стала, однако, не история советской Прибалтики, а политика советизации, история «принятия решений по советизации Прибалтики, политики Кремля по отношению к Латвии, Литве и Эстонии» (с. 10). Стремясь разобраться в сути процесса включения прибалтийских республик в Советский Союз, автор склоняется к «инструментальному» пониманию советизации, предложенному немецким историком Герхардом Зимоном (с. 6). Е. Зубкова считает советизацию Прибалтики одним из самых амбициозных проектов И.Сталина, приблизившим Советский Союз к границам Российской империи конца XIX века, и понимает под ней процесс, «целью которого стало «встраивание» региона в советскую систему, преобразование политических, социальных и экономических структур в соответствии с советской моделью», с использованием различных механизмов и инструментов, обеспечивавших достижение этой цели (с. 7).

Единого проекта “Советской Прибалтики” в строгом смысле слова не существовало, поскольку проект предполагает заранее продуманную программу, формы и конкретные методы ее реализации. Вместо этого СССР осуществлял политику советизации региона, хронологически распадающуюся на несколько периодов: первый – с 1939 по 1941 гг., второй период – с 1944 по 1953 г. и третий – после смерти Сталина.

Определяющим для развития советской Прибалтики стал факт слишком позднего – в 1940 г. – включения ее в состав советского государства, когда в СССР уже сложились основные принципы взаимодействия между центром и периферией и механизмы государственного регулирования. Поэтому в последующий период Москва вынуждена была считаться с «балтийской проблемой», сводившейся к четырем основным аспектам: 1) западной ориентации региона, 2) слабому влиянию коммунистической партии, 3) памяти о государственной независимости, 4) наличию вооруженной оппозиции во всех балтийских республиках на первом этапе советизации региона (с. 6).

Исследование Е. Зубковой построено на достаточно широкой источниковой базе, включающей как опубликованные, так и неопубликованные материалы российских архивов, из которых наибольший интерес представляют документы партийных органов, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Первая глава – «Подданные и партнеры: краткий исторический экскурс» — начинается с небольшого очерка взаимоотношений центральной российской власти с Прибалтикой со времен Петра I до 1918г., когда бывшие западные окраины империи приобрели статус независимых государств. При анализе балтийского направления советской политики межвоенного периода исследовательница ставит вопрос о том, насколько правомерны утверждения прибалтийских ученых, что идея возвращения утраченных территорий у Балтийского моря возникла у советского руководства уже в 20-е гг. Автор, опираясь на опубликованные и прокомментированные О.Н. Кеном и А.И. Рупасовым документы Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам отношений с западными государствами, приходит к выводу, что начало “балтийской политики” с полным основанием стоит вести лишь с 1934 г., когда после подписания Польшей договора с Германией СССР был вынужден искать новый баланс сил в регионе Центральной и Восточной Европы (с. 22). В январе 1934 г. Политбюро приняло решение «О Прибалтике», которое вместе с другими политическими шагами Москвы оформило

«балтийское направление» внешней политики, однако оно еще довольно долго время оставалось далеко не приоритетным для советского руководства.

Е. Зубкова затрагивает также вопрос о том, насколько политические режимы, существовавшие в странах Балтии в 1930-х гг., ответственны за «катастрофу 1940 г.» Автор склоняется к точке зрения немецких исследователей и эстонского историка М.Ильмьярва, считающих, что режимы 1930-х гг. подготовили идеальную почву для советизации, и анализирует политику лидеров прибалтийских государств именно с точки зрения тех тенденций, которые сближали ее с советской моделью.

Во **второй** главе, названной «Долгий 1940 год: технология поглощения», Е. Зубкова использует терминологию Э.Хобсбаума и называет 1940 «долгим» годом, определяя его нижнюю хронологическую границу 23 августа 1939 г., а верхнюю – 22 июня 1941 г. Обращаясь к вопросу о формах вовлечения балтийских стран в зону советского влияния, Е. Зубкова перечисляет хорошо известные в историографии механизмы «поглощения» стран Прибалтики – это политическое давление, личные контакты с лидерами этих стран, международные договоры, пропаганда, поддержка левого движения и подготовка «народных революций», организация выборов. Основным инструментом этого процесса должны были стать компартии, которые в Прибалтике приходилось создавать практически с нуля (с. 106). При анализе действий Советского Союза в Прибалтике неизбежным оказывается вопрос о правомерности определять их как оккупацию. Автор доказывает, что термин «оккупация» абсолютно не применим ни к фактическому внутреннему положению в странах Прибалтики, ни тем более к долгосрочным планам Советского Союза в отношении этого региона, которые совершенно не соответствовал временному характеру военной оккупации (с. 100).

Третья глава книги посвящена одному из самых противоречивых периодов в истории Прибалтики – с 1944 по 1953 г. – который Зубкова называет временем «повторной советизации». Главной целью Москвы в этот период было окончательное встраивание прибалтийского региона в советскую государственную модель. Автор выделяет два этапа в политике Москвы, традиционным рубежом между которыми становится 1947 г. Для первого этапа советизации было характерно признание центром национальных особенностей региона, отказ от фор-

сированной коллективизации, попытки диалога с национальной интеллигенцией, сохранение руководящих постов в центральных и местных органах власти за представителями коренной национальности и т.д. (с. 130). С 1947 г. методы советизации были ужесточены, наблюдалось усиление репрессий, переход к массовой коллективизации и депортациям. Автор связывает причины такого поворота с волной чисток, охватившей СССР, а также поворот Сталина к ужесточению курса внутренней политики после ленинградского дела. (с. 131). В связи с этим особенный интерес представляют механизмы советизации региона. Комплекс мер включал в себя преобразование органов власти и управления, экономическую реформу – постепенный переход на советскую валюту, национализацию. Одним из инструментов контроля и управления стали созданные в 1944 г. и просуществовавшие до 1947 г. Бюро ЦК ВКП(б) по каждой республике. Без поддержки Москвы коммунистическая власть в регионе не могла существовать, т.к. собственные позиции коммунистов в Эстонии, Латвии и Литве всегда были традиционно слабыми и пополнять ряды партийных работников приходилось направлением коммунистов (латышей, эстонцев и литовцев), проживающих в старых республиках СССР (с. 146). Однако Москва и не рассматривала коренизацию управленческого аппарата как главный способ обеспечения своего влияния в регионе, остановить сепаратистские тенденции должна была прежде всего интернационализация кадров, результатом которой стал постоянный конфликт «своих» и «чужих» в этих республиках.

Отдельно в главе рассмотрены проблемы национализации и коллективизации. По мнению Зубковой, обоснованном архивными документами, Москва изначально стремилась взять под свой контроль только ключевые отрасли и избежать «национализации в мелочах», что диктовалось, прежде всего, трезвой оценкой нестабильной внутренней ситуации в новых республиках В.М.Молотовым (с. 109–110). Лишь позднее, когда вопросы экономики были уже переданы в руки местных властей, началась повальная национализация мелких предприятий и частной собственности. Особенно это явление было заметно в Литве, где разгул властей обернулся дипломатическим скандалом – жертвой национализации стала поданная Великобритании (с. 113).

Коллективизация для населения Прибалтики стала «худшим последствием» советизации, разрушившим традиционное индивидуальное сельское хозяйство этих стран. «Балтийские крестьяне колхозов

не хотели, колхозов боялись и готовы были бороться против них с оружием в руках», – утверждает автор (с. 168). Но и Москва после неудачной попытки распространения системы планирования государственных поставок сельхозпродукции на Литву в 1941 г. не торопилась с коллективизацией региона. В первые послевоенные годы вопрос о проведении коллективизации был неактуальным; автор приводит комментарий секретаря ЦК ВКП(б) А.Жданова: «судьба социализма никак не зависит от того, что в Эстонии еще нет колхозов» (с. 169). По мнению исследовательницы, хлебозаготовительный кризис 1946 г. стал основной причиной начала коллективизации, методы проведения которой в 1947–1948 гг. постепенно приобретают форму репрессивных мер и массовых депортаций (с. 176–182).

К числу тем относительно новых для российской историографии следует отнести и поставленную автором в **четвертой главе** проблему «лесного братства». Интерес к исследованию данного вопроса возник в конце 1980 – начале 1990-х гг. в условиях подъема движения за независимость в республиках Прибалтики. Е. Зубкова подчеркивает тенденциозность освещения этого вопроса в трудах современных прибалтийских исследователей. С одной стороны, они вводят в научный оборот огромное количество новых источников, а с другой – сознательно или подсознательно искажают факты (с. 195). Это является результатом стремления представить повстанческое движение как борьбу за национальную независимость, однако разница в мотивах его участников – от офицеров Армии Крайовой до разбойничьих банд – зачастую при этом нивелируется. Для советизации Прибалтики именно вооруженное сопротивление представляло наибольшую угрозу. Как отмечает Е. Зубкова, трудности определения масштабов распространения партизанского движения затрудняет и несовершенство советского законодательства, которое не разделяло уголовный бандитизм и вооруженное антисоветское сопротивление (с. 207). Автор предлагает свою схему изучения партизанского движения в Прибалтике, рассматривая социальное происхождение повстанцев и мотивы, побудившие их к активному сопротивлению советской власти. По мнению исследовательницы, бесспорным фактом является одно: повстанческое движение в Прибалтике – ответ на политику советизации, особенно сопровождающие ее репрессии и террор.

Вопрос о сотрудничестве политических элит прибалтийских государств с центром поднимается в **пятой главе** монографии. Формируя

умозрительную идеальную модель «национальной» элиты советских республик Литвы, Латвии и Эстонии, автор разделяет ее реальных представителей на три группы: «коммунистов-нелегалов», в состав которых по авторской классификации включены бывшие сотрудники Коминтерна и политзаключенные 1920–1930-х гг.; «интеллектуалов» – группу, объединяющую представителей национальной интеллигенции, пришедших во властные структуры из науки и культуры и пользовавшихся заметным влиянием в общественной и политической жизни страны. Примечательно, что многие из них были, без сомнения, людьми левых взглядов и находились в оппозиции к правящим режимам 1930-х гг., но большинство не имело никакого отношения к коммунистическому движению этих стран. К третьей группе Зубкова относит «русских прибалтов», т.е. представителей коренных национальностей, которые длительно жили в России и поэтому представляли собой самый надежный для Москвы «инструмент советизации» (с. 278). Наиболее интересной с точки зрения решения поставленных вопросов представляется вторая часть главы, где предпринята попытка проанализировать степень зависимости новых местных элит от центра в принятии решений. Хотя история взаимоотношений Кремля и республик прослежена лишь по отдельным эпизодам, тем не менее, автор приходит к выводу, совпадающему с мнением прибалтийских исследователей о двойственном характере политических элит Прибалтики, которые можно назвать и «национальными», и «советскими», т.к. они были вынуждены балансировать между необходимостью проводить политику Москвы и отстаивать национальные интересы (с. 285).

В завершающей главе рассматривается вопрос о переходе Кремля к «новому курсу» политики в отношении Прибалтики после смерти Сталина. Хотя механизмы осуществления политики Центра показаны недостаточно полно, Е. Зубкова выделяет два «ведомственных» (МВД и ЦК КПСС) подхода к прибалтийской проблеме. Первый был представлен Л.П. Берия, который концентрировался на борьбе с вооруженным антисоветским сопротивлением, а причины неудач видел в нехватке национальных кадров, в связи с чем предлагал изменить кадровую политику центра и сделать ставку на коренизацию. Вторым подходом был предложен Н.С. Хрущевым, который рассматривал антисоветское подполье не как причину политической нестабильности, а как результат серьезных просчетов во внутренней политике. В мае 1953 г. был выработан «новый курс», предусматривавший отказ

от репрессий и ставку на национальный фактор в кадровой политике (с. 327). Исследовательница связывает такой переход с отказом советского руководства от «полноценной» советизации прибалтийских республик и склоняется к выводу о безусловном провале советского проекта в Прибалтике (с. 337).

Рецензируемая работа привлекает к себе внимание прежде всего тем, что в ней на основе изучения большого круга документов и материалов, предпринята попытка проанализировать механизмы принятия решения по «балтийскому вопросу», проследить отношения центра с местными органами власти. В одной монографии невозможно в равной степени осветить все стороны теоретического и практического формирования исследуемого автором феномена советизации. Некоторые направления возможных дальнейших исследований были лишь намечены. Так, вопрос о международном факторе и в 1939–1941 гг., и в 1947 г. был только затронут автором в третьей главе, а этот фактор, учитывая крайнее положение Прибалтики, имел далеко не второстепенное значение. Определенное сожаление вызывает и тот факт, что вне поля зрения автора остались доступные работы известных прибалтийских исследователей этого периода, к примеру, З. Буткуса и Я. Валге.

Монография Е. Зубковой представляется, безусловно, интересной и полезной. Важно и то, что она побуждает к пересмотру некоторых утвердившихся мнений и более подробному изучению истории взаимоотношений Москвы и Прибалтики.

Мария Павлова

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2012.013>

Biografia generała Lucjana Żeligowskiego

Dariusz Fabisz, *General Lucjan Żeligowski (1865–1947). Działalność wojskowa i polityczna*, Warszawa 2007, ss. 374

Biografistyka należy do trudnych, chociaż najbardziej popularnych i poczytnych form historiografii. Życie i działalność ludzi wybitnych cieszą się zawsze zainteresowaniem szerokich kręgów czytelniczych. Dlatego też historycy od dawna poświęcali biografiom wiele uwagi, a ich publikacje odgrywają dużą rolę w kształtowaniu świadomości historycznej narodów.